

Эдуард Анашкин

«ЗДЕСЬ И В НЕБЕ ОСОБАЯ СИНЬ...»

(Поэтическое краеведение-краелюбие
Ирины Котельниковой)

Совсем недавно в Чите вышла книга «Хрустальные родники». Это сборник стихотворений замечательной поэтессы из далекого Забайкалья Ирины Котельниковой. Это человек удивительного таланта, автор таких стихов, которые не только врачуют человеческие души, но и побуждают смотреть на Родину с неизбывной любовью и нежностью.

Моя читинская землячка родилась на реке Витим, в селе, что с давних времен было перевалочной базой золотопромышленников. Ирина Котельникова — забайкалка в третьем поколении. В 30-е годы XX века, когда началась массовая вербовка вольнонаемных и ссылка раскулаченных на Витимские прииски, обе ее бабушки волею непростых своих женских судеб оказались на легендарном Витиме.

В чем же легендарность Витима? Витим был малой родиной другой замечательной поэтессы, Светланы Кузнецовой, и в определенной степени можно считать, что Ирина Котельникова развивает лирические традиции своей достославной землячки.

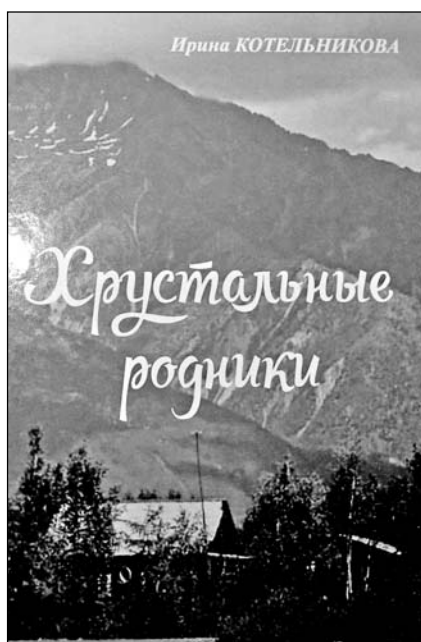
В Забайкалье после раскулачивания попала одна бабушка Ирины Котельниковой, что жила в Тверской губернии. А вторую бабушку направили в эти места из Белоруссии. На берегах Витима познакомились их дети, будущие родители поэтессы, а в 1956 году появилась на свет и сама Ирина.

Когда ей было два года, семья переехала еще севернее. И ранние воспоминания связаны с оленями, эвенкийской люлькой, в которой ей довелось полежать в младенчестве... Детство было самым поэтическим — среди вольного таежного древнего загадочного эвенкийского народа. В жизни Ирины Геннадьевны было многое, что помогло окрепнуть поэтическому дару, — увлечение краеведением-краелюбием, изучение истории Якутии, эпоса народа, преданий о жизни героя Тагына, преданий реки Чара... Все это ляжет в основу не только исторической повести Ирины Котельниковой «Зимовье Чаринское», но и станет основой ее неповторимого художественного мира. Загадочные имена селений и рек Забайкалья обретут в лирике Ирины Котельниковой постоянную прописку.

Река с чарующим именем Чара, где доселе живет и творит свои стихи поэтесса, — место не многолюдное. Но способное околдовать человека первозданностью

природных стихий. Эта неотъемлемость стихийности природы от биографии и творчества оберегает стихи поэтессы от многословия и придает им негромкую, но явственную интонацию сакральности присутствия человека в мире. Ведь уже в самих названиях рек и сел Забайкалья таится загадка, которую хочется разгадывать, позабыв о времени и суете: деревня Дешулан, река Ингода...

До того как стать литератором, Ирина Геннадьевна всегда была (и осталась) жадным читателем. В детстве она даже пряталась с книгой на чердаке, чтобы никто не мешал ей. Первые стихи написала в шестом классе и посвятила пионерскому лагерю «Орленок». После школы, будучи культработником, Ирина Котельникова с энтузиазмом участвовала в работе актуальных в то время агитационных бригад, посещая оленеводческие стойбища... С юности начала сотрудничать с местными изданиями, участвовала в работе семинаров молодых поэтов и прозаиков в Чите. Но, видимо, до времени недооценивала свой литературный талант. Оттого и в члены Союза писателей России вступила гораздо позже своих сверстников-литераторов, уже в зрелом возрасте, после выхода четырех сборников. Тем не менее, уверенность, что жизнь главнее литературы, стала для нее надежным оберегом от литературщины. Многим авторам, погруженным в городское многолюдье и суету, так недостает такой прививки.

...Поле русское, поле дикое
Заросло травой выше пояса,
По росе коса здесь не вжикает —
Ни мужичьего духа, ни голоса.
Поле буйное, разнотравное.
Эх, духмяное, эх, медовое...
Где ж вы, левые, где ж вы, правые?
Али ноженьки ваши пудовые?..

Влюбленная в жизнь, Ирина Котельникова родила и сумела достойно воспитать троих детей. А когда один из сыновей заболел, и она стала фактически невыездной за пределы района проживания, не отчаялась, наладив творческое сотрудничество с композиторами. Благодаря Ярославу Южмакову и Святославу Алексашину многие ее стихи стали песнями! Уж где-где, а в Забайкалье люди умеют и любят петь!

Здравствуй, русское застолье!
Разносолы — не чета
Кабакам Первопрестольной!
Кто сказал: мы — нищета?!
С первачом графинчик важный
Посередке, будто царь,
Гнал его не на продажу
Гришка — местный дед Щукарь.
Кличут так за прибаутки,
За кухарство в сенокос.

Не молчит он ни минутки:
«Наливайте за колхоз!
За покойничка — по первой,
А вторую — за меня!
До сих пор в колхозы верим.
Эх, робяты, вот жизнь...»
Подцепил пластинку сала:
«Где там чашка холодца?
Ешьте, гости, до отвала!
Нам не воду пить с лица».
Огурцы пошли со хрустом,
Следом — грузди. Не зевай!
Позабыли вмиг о грустном.
«Ну-ка, Марья, запевай!»
Подхватили песню бабы,
И притихли мужики...
Эвон, как выходит складно
Про деревню у реки!
А с плиты несут картошку —
Нашкворчилась, заждалась!
«Дед Щукарь, бери гармошку!
Хватит крыть ядрену власть!»
Задробили вмеремешку,
Подбоченились! «Эх, ма!
Сыпь частушки-пересмешки,
Пелагеюшка-кума...»
...Пляшет русская деревня,
Не судите мужиков!
Пусть они в колхозы верят,
Им без веры нелегко.
Погуляют — и за лямку.
Ждет подруженька-соха!
Жизнь — от мамки и до ямки,
А деревня — на века!

Несмотря ни на что, Ирина Котельникова всегда была и остается активно пишущим автором. Правда, книги у нее выходят не так часто, как хотелось бы. Первый сборник стихотворений «Остановись, мгновенье, не спеши...» вышел в 2007 году в Санкт-Петербурге. Он имел такой читательский успех, что быстро стал библиографической редкостью. Но, конечно, с творчеством Котельниковой можно познакомиться и в интернете, и в периодических изданиях России. Ведь стихи Ирины Геннадьевны публикуют не только газеты Забайкалья и Сибири, но издания и других регионов — «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Живое слово» (Приморский край), «Земское обозрение» (Саратов), «Аргатак-Татарстан» (Казань), «Холод, ОК» (Тюмень) и многие другие. Географический диапазон, как видите, широк, как и взгляд поэтессы на судьбу малой и большой Родины.

Масштабы неоглядных читинских просторов помогают поэтессе в ее творчестве не только сохранять, но и приумножать широту и глубину творческого дыхания, гарантируют от проникновения в стихи мелкотемья. На забайкальских эпических просторах, когда самость уступает место эпичности, просто невозможно говорить о второстепенном и суетном. Хочется прислониться русской думой к самому важному, которое мы подчас упускаем в погоне за цивилизованностью, нередко понимая эту цивилизованность как отказ от России, от своих предков.

Доколе воспевать пустые хаты
Да буйство разжиревшей лебеды?
Россия-мать, не ты ль душой богата,
Не ты ли выходила из беды?

Мозолистыми пальцами крестила
Поля и живность, хату и детей.
Порою крепким словом поносила
Борцов безумных призрачных идей.
Вмиг поседев, смотрела, как срывали
С твоих церковей кресты, колокола...
Но ты же не сдавалась, выживала,
В соху впрягаясь, манны не ждала.
И в лихолетье подрастали дети.
Каких поэтов за руку вела!
Так почему же поле стало степью,
А у детей другие есть дела?
Выходишь вечерами на проселок,
А за спиной — деревня без людей...
Прости, Россия! Нынче о веселом
мне не поется. Я не лиходею.
Вот под окошком сломлена береза,
черемуха засохла по весне...
Россия-мать, прости меня за слезы,
я плачу лишь с тобой наедине.
Давай-ка, мамка, стол накрой, как прежде,
добавь душистых трав в целебный чай.
Никто, как ты, не приласкает нежно.
Я навсегда приехала — встречай!

Но поэтесса никуда не уезжала с малой родины, если определение «малая» вообще применимо к огромной территории нашей страны, имя которой Забайкалье! Тем не менее, тема возвращения к малой родине, к родному селу, к своим истокам — одна из основных в творчестве Ирины Котельниковой. Ее лирическая героиня — собирательный образ русского народа-мечтателя, созидателя, стойка, целителя...

Когда тоска внезапная нахлынет,
Да так, что слезы горькие не спрятать,
Припомнятся пучки сухой полыни,
Чабрец в мешочках и в корзине мята.
За хлебным полем тропка до погоста,
Где папкин в рамке довоенный снимок...
Как так случилось? Наезжаю в гости,
Но чаще — от поминок до поминок.
А мамка все заказывает свечи
И в похоронный прячет чемоданчик,
Достанет фотографии под вечер,
Разложит на столе и вдруг заплачет.
Не плачь, родная! Решено — я еду!
Сильнее зова нет, чем зов Отчизны,
До детства сутки. Доберусь к обеду,
Чтоб ты не смела помышлять о тризне.
Я не забыла, как поставить тесто,
Мы испечем хлеба в просторной печке.
А после сядем у окошка вместе,
Споем о поле русском и о речке.
Мы до утра с тобой провечеряем,
Одною шалью прикрывая спины.
Россия-мать, тебя удочеряю
И никогда отныне не покину!

«Я слишком люблю эту жизнь», — призналась Ирина Котельникова в одном из своих стихотворений. А в прозе добавила: «Люблю жизнь со всеми радостями и бедами, удачами и неудачами, люблю тайгу, ее людей, люблю российские деревушки... Нет уже моей малой родины — Гулинги. Навис над Витимом последний развалившийся дом. Но горы все те же... И Витим все тот же... И я все та же...»

Не принято у людей, живущих за Уральскими горами, жаловаться на жизнь. И в этом смысле Ирина Котельникова — правило, а не исключение. Сибиряки и забайкальцы терпят до последнего, как те деревья, что умирают стоя:

Тополь как подкошенный упал —
Без грозы, без ветра, без причины.
Сколько помню, он всегда стоял
Рядом с продуктовым магазином.
С детства помню: под его стволом,
На дощатых ящиках, бабульки
Обсуждали, чем живет село,
Пропечена ль нынче хлеба булка.
Он не провожал их на погост...
Но все чаще он скрипел ночами.
Он — свидетель радости и слез —
Никому не мог открыть печали.
И однажды молча он упал —
Без грозы, без ветра, без причины.
Старый тополь... он всегда стоял
Рядом с продуктовым магазином.

Читая стихотворения Ирины Котельниковой, воочию видишь эти села и деревни, реки и деревья. Поэтесса относится к селам, словно к людям из плоти и крови. Несмотря на жалость и сострадание к судьбе русской глубинки, Ирина Геннадьевна ни на минуту не позволяет себе усомниться в возможности возрождения счастливой жизни человека на земле предков. Да и что хорошего может быть с людьми, попавшими в «человеиник» мегаполиса? Лишь ступая по земле, ты воспринимаешь ее как Матушку, а не как нечто абстрактное, отвлеченное, закованное в бетон для «цивилизованности».

Просыпается по солнышку
Деревенька, не спеша.
Раскрывается до доньшка
Деревенская душа.
Звякнет струйка по подойнику,
И уже который год
Вкруг скамейки, крытой войлоком,
Будет виться рыжий кот.
На востоке зорька сочная,
Словно щеки молодух.
Тополя — шеренгой «срочников»
На высоком берегу.
Над полями мягко ластится
Розовой дымкой марь.
Под стрехой гнездится ласточка.
Все привычно. Все, как встарь.
Но подступит расставание
Не на год — на целый век.
Все длиннее расстояния
До родных полей и рек,
До ромашковой околицы,
Где деды замашут вслед.

Нагостятся внучки-школьницы,
А в деревне школы нет.
И напрасно за автобусом
Будет мчаться старый пес.
Он не знает, что на глобусе
Нет деревни, где он рос.
Просыпается по солнышку
Деревенька, не спеша.
И болит, болит до доньшка
Деревенская душа.

В душе любого горожанина дремлет эта деревенская душа. Так дремлет хрустальный целебный родник под внешними светлыми наслоениями. Меняются властные режимы, на смену царскому самодержавию приходят советские чиновники, а их смещают нынешние демократы. Терпеливый народ России, воплощенный поэтессой в образе старушки Матрены, все стерпит и сдюжит, не впадая в отчаяние и стойчески проживая жизнь на родной земле, ни минуты не помышляя ни о каком бегстве-отъезде на чужбины.

От шагов за ветхою подкладкой
Звякают советские копейки.
Ходит-бродит память по ограде
В черном пиджаке и телогрейке.
Справится с хозяйством немудреным,
Сядет на потертое крылечко
Память с бабьим именем Матрена,
А на левой — вдовие колечко...
Покупали в городе с Егором
Те, что по цене не дорогие,
Жили-были в радости и горе —
Два кольца... Одно уже в могиле.
Схоронила лет тому пятнадцать,
И одна тихонечко стареет.
С пиджаком не хочет расставаться,
Говорит: в Егоровом — теплее.

Ох, эта непростая судьба простой русской женщины в России и в Сибири! О ней написаны едва ли не лучшие книги русских писателей-классиков. Вспомни лишь героинь гениальной прозы Валентина Распутина, которые во многом сродни героям стихотворений Ирины Котельниковой тем, что не придуманы, а взяты из сердца. Для многодетной мамы из российской забайкальской глубинки Ирины Котельниковой непростота женской биографии в переломные исторические эпохи — не просто фигура речи. Это судьба и данность.

Едва видна проезжая дорога.
Восстановить? Без надобы, и лень.
Растет на опустевших огородах
Чертополох забытых деревень.
Сорвать цветок и в мыслях не потянет —
Не для букетов пышных красота.
Колючий, как занозистая память,
У основанья сгнившего креста.
Он кажется таинственным и древним,
Таблички нет. Остался только гвоздь.
И не понять, где кончилась деревня,
Где начался безжизненный погост...

Слишком часто сегодня деревни в России впадают прямиком в погосты и пустоши... Едешь-едешь по бескрайней Сибири, по Забайкалью и порой целыми сутками можешь не увидеть ни одного села. Но если вы хоть на минуту усомнились в жизнелюбии поэтессы, если вы хоть на минуту допустили мысль, что Ирина Котельникова способна лишь отпевать нашу Отчизну, вы будете посрамлены, продолжив чтение ее книг. Поэтесса щедро подарит вам настолько жизнелюбивые стихи, что, читая их, поневоле начинаешь верить в Россию, подобно Тютчеву... Такие стихи — лучшее лекарство от уныния и неверия в свою страну!

По-над полюшком, по-над реченькой
В травы горькие выплесни грусть.
Надышись — луговыми, запечная,
Неуемная матушка-Русь.
Ты подставь лицо ветру-солнышку,
Семицветную — в косы вплети,
Почерпни родниковую с доньшка,
Лихолетье святой окропи.
Расстели вдоль дорог земляничные,
Перелески грибные раскинь.
Не сравнится с тобой заграничное!
Здесь и в небе особая синь!
Не грусти же, родная, в заброшенных...
Уезжают с насиженных мест.
Но над речкою, лугом некошеным,
Слышишь, мамка, звучит благовест!
Возвращается исподволь богово
В деревенском укладе простом.
И девчонка бежит босоногая,
Руки тонкие в небо — крестом...

Да, детство поэтессы, по ее собственному признанию, было сугубо советским, вплоть до того, что, став пионеркой, Ирина, в соответствии с заветами Ленина, попросила бабушку убрать икону... Вздохнув, бабушка перенесла икону в другую комнату... Доселе Ирина Геннадьевна корит себя за тот поступок! Но несмотря на внешний атеизм, в этой босоногой девочке, бегущей по бескрайней земле предков, так символично скрестив руки, мы, конечно же, узнаем ту маленькую Ирину, которой суждено было стать большим русским поэтом.

